

Огромная пиала белоснежного риса, щедро политая наваристым куриным бульоном с трепангами. Рядом — сочный, лоснящийся темным глянцем домашний гусь в пряном соусе. Хрустящие молодые овощи, обжаренные в креветочном масле, источают нежный аромат, а нежнейший паровой морской окунь буквально тает во рту... Ресторан «Малая княжеская усадьба» на окраине столицы, неизменный VIP-кабинет номер один. Перебивавшийся с хлеба на воду Юань Шан, дорвавшись до изысканных деликатесов, испытывал сейчас такое блаженство, какого не знал за всю свою прошлую жизнь.

Молодой организм вкупе с недавними усердными тренировками разогнал метаболизм до предела, так что аппетит парня вырос в разы. Опустошив половину стола и насытившись от силы на две трети, Юань Шан наконец умерил пыл. Он поднял голову и обнаружил, что Юй Шуимяо, сидящий на противоположном конце стола, буравит его тяжелым, нечитаемым взглядом. Разломив крабовую клешню, Юань Шан выковырял мясо и иронично закатил глаза:

— Весь обед с меня глаз неводишь. Что, узоры на мне разглядеть пытаешься?

Юй Шуимяо приоткрыл было рот, но так и не смог выдать ни звука. Расспросив Юань Шана о множестве личных, известных только им двоим подробностей прошлого, он окончательно убедился: произошло нечто уму непостижимое. Перед ним сидел человек с теми же манерами, повадками, вкусами и мимикой. Знакомый до боли голос, знакомые интонации — вот только лицо чужое. Мысли режиссера превратились в хаотичный, запутанный клубок, который никак не удавалось распутать.

Юй Шуимяо всегда трясся над своим авторитетом, обожал напускать на себя важный вид и никогда не позволял себе слабости на людях. Глядя на его растерянность, Юань Шан почувствовал, как щемит сердце. Пытаясь разрядить обстановку, он хмыкнул:

— Ладно тебе, старый хрен, глаза-то побереги, а то выпадут. Помнится, пока я в больнице валялся, ты только и делал, что матерился на всю палату. Если ради того, чтобы заставить тебя наконец замолчать, стоило помереть и воскреснуть — оно определенно того стоило.

Юй Шуимяо мгновенно очнулся от оцепенения. Лицо его потемнело, и он с силой грохнул ладонью по столу:

— Что за херню ты несешь?!

Юань Шан притих, виновато втянув голову в плечи. Удивительное дело: с самого детства он рос несносным бунтарем, ни в грош не ставившим чужие авторитеты, но стоило обычно мягкому и уступчивому Юй Шуимяо по-настоящему разозлиться, как парень мгновенно пасовал.

Выпустив пар, режиссер немного пришел в себя. Он окинул взглядом Юань Шана — понурого, притихшего, худого как щепка — и сердце его сжалось от жалости. К тому же Юй Шуимяо чувствовал свою вину: Юань Шан ведь отправлял ему столько писем, а он удосужился прочесть их только сегодня. Очевидно, что парню пришлось несладко. Набросился на еду как голодный волк, одет черт знает во что — заношенная футболка с дырой на спине, полинялые джинсы,

грязные кеды... Разве таким был тот изнеженный, привыкший к роскоши франт, которого он знал? Юй Шумяо славился в индустрии невыносимым нравом и безжалостно распекал даже самых капризных звезд, но перед своим другом детства пасовал. Сердце разрывалось от стыда и раскаяния.

Однако стоило Юань Шану воодушевленно затараторить о своих планах, как брови режиссера поползли вверх. В конце концов он не выдержал и бесцеремонно его перебил:

— погоди, какие еще тренировки? Твое... это новое тело ведь до ручки довели! Ты вообще у врача проверялся, когда в себя пришел? И что это за шоу, в котором ты участвуешь? Тебя там никто не обижает? И какого черта ты уже успел встретиться с Жэнь Пиншэном?! Этот ублюдок тебе ничего не сделал?!

Юань Шан лишился дара речи. Он-то искренне радовался: после стольких лет паралича наконец может нормально ходить, да еще и успел встретить парочку весьма колоритных персонажей. Он делился исключительно хорошими новостями и искренне не понимал, с чего вдруг Юй Шумяо так распереживался, решив, будто его обделили или обидели.

Тем временем в здании телецентра завершилось совещание. Руководство канала с облегчением выдохнуло и с рекордной скоростью сгребло документы со стола, спеша поскорее разойтись. Генеральный директор Чжоу Чжаньсяо покинул кабинет быстрее всех. Помощник Сяо Мао едва поспевал за ним. Но стоило им подойти к лифтам, как из ниши в стене бесшумно выступил Цзян Се. На его лице не отражалось ни единой эмоции.

— Генеральный директор Чжоу, давно не виделись, — ровно произнес он.

Чжоу Чжаньсяо, все последние дни думавший исключительно о Юань Шане, уже и думать забыл о существовании Цзян Се. Увидев его сейчас, он опешил, и бывшая спесь с него мгновенно слетела:

— Как ты сюда пробрался?..

— Поднялся по пожарной лестнице для персонала и выбил дверь. Но это неважно, — Цзян Се вздернул подбородок. Его холодный, отстраненный взгляд так и веял ледяным безразличием. Кивнув в сторону, он добавил: — Здесь слишком людно. Не хочу устраивать сцену при свидетелях. Поговорим в другом месте.

Чжоу Чжаньсяо нахмурился. Он хотел было послать его к черту, но, зная упрямый характер Цзян Се, испугался, что тот устроит скандал и привлечет внимание кузена. Пришлось увлечь его в тихий коридор у служебного лифта. Едва они зашли туда, как Цзян Се сразу пошел в атаку:

— Вы снова сошлись с Юань Шанем, верно?

Этот вопрос попал не в бровь, а в глаз, уязвив Чжоу Чжаньсяо до глубины души. Вспыхнув от ярости, он едва сдержался. Заводя интрижки с мелкими артистами, он, хоть и называл это отношениями, в глубине души считал себя барином, а их — послушными игрушками. И когда прирученный зверек посмел требовать отчета о его личной жизни, да еще и наступил на большую мозоль, о каком спокойствии могла идти речь?

Обычно Цинь Хо после совещаний лично проверял стенограмму. Он требовал от секретарей вести запись на профессиональные диктофоны и переносить на бумагу каждое слово без малейших изменений, чтобы позже выуживать из этих текстов скрытые мотивы подчиненных. Но сегодня, после сорока часов без сна и без возможности вовремя поставить поддерживающую капельницу, он чувствовал смертельную усталость. Понимая, что все важные дела на сегодня улажены, Цинь Хо позволил себе редкую поблажку — велел стенографистам заканчивать без него, а сам решил поехать домой.

Стоявшие у общего лифта директора при его появлении вытянулись в струнку и затаили дыхание. Раздраженный их трусливым видом, Цинь Хо нахмурился еще сильнее. Поэтому, когда сопровождающий его топ-менеджер телеканала предложил пройти к отдельному служебному лифту, Цинь Хо без колебаний согласился, невзирая на то, что идти пришлось в обход.

В этом крыле здания царил тишина. Лицо Цинь Хо немного разгладилось, и свита вздохнула с облегчением. Но стоило им повернуть за угол, как из коридора впереди донеслись чьи-то яростные голоса. Сопровождающий испуганно зыркнул на председателя и уже открыл рот, чтобы предложить другой маршрут, но Цинь Хо жестом приказал ему молчать и бесшумно двинулся на звук.

— Ты что, блядь, пару раз лег под меня и уже берега попутал? — раздраженно выплюнул Чжоу Чжаньсяо. — Забыл, кто ты такой? Что мне делать и кого трахать — не твое собачье дело! Усек?

Пренебрежительный тон окончательно взбесил Цзян Се:

— Чжоу Чжаньсяо! Я, сука, твой парень!

— Ну, допустим, — издевательски хмыкнул Чжоу Чжаньсяо. — И чего ты хочешь? Денег? Да без проблем, отвалю сколько скажешь.

Цзян Се злобно усмехнулся:

— Ты думаешь, все вокруг такие же бляди, помешанные на бабле? Я себя на помойке не находил! Мне нужен четкий ответ: ты до сих пор сохнешь по Юань Шаню? Если да, то мы расходимся. В шведских семьях я не участвую!

— Да! — Чжоу Чжаньсяо вытащил из кармана банковскую карту и швырнул ее в лицо парню. — Да, блядь, я люблю Юань Шаня! Услышал? Забирай бабки и вали на хрен!

Цзян Се шагнул вперед и с размаху врезал ему по физиономии. От неожиданности Чжоу Чжаньсяо отшатнулся, хватая ртом воздух. Осознав, что его ударили, он взревел от ярости и с кулаками бросился на обидчика. Но не успел его кулак коснуться лица Цзян Се, как краем глаза он заметил стоящую неподалеку фигуру. Скользнув взглядом по лицу этого человека, Чжоу Чжаньсяо похолодел от ужаса. Ноги его подкосились, и он с глухим стуком повалился на пол.

Цзян Се, уже вставший в стойку, от неожиданности обернулся. Из полумрака навстречу им медленно выходил высокий, статный мужчина. Его фигура казалась вылитой из стали. Цзян Се не успел даже разглядеть его лица, как по спине пробежал ледяной пот — животный, необъяснимый страх сковал тело. Чжоу Чжаньсяо, секунду назад брызгавший слюной, теперь сидел на полу, белый как полотно. Он даже не пытался подняться, лишь жалко трясся и заикался:

— К-ко... кузен...

Цинь Хо окинул Цзян Се ледяным, оценивающим взглядом, после чего едва заметным кивком приказал ему исчезнуть. Затем он медленно перевел взгляд на Чжоу Чжаньсяо.

Цзян Се пулей бросился прочь, не смея проронить ни слова. Позади него раздался низкий, ровный голос Цинь Хо, от которого веяло могильным холодом:

— Па-рень, значит?

— Что там происходит?! — перепуганный насмерть директор телеканала и его помощники не решались подойти ближе. Они перехватили бегущего Цзян Се, но парень лишь судорожно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. И тут из глубин коридора донесся истошный, визгливый вопль Чжоу Чжаньсяо.

Свист кожи, а затем глухой, тяжелый удар. Еще один. И еще.

— А-а-а-а! Кузен! Кузен, прости! Я виноват! Пощади, кузен! Выслушай меня, не надо!!! А-а-а-а!

И снова — резкий, безжалостный свист и тяжелые удары ремня.

Удары сыпались один за другим — мерно, методично, с пугающей силой. Но за все это время, кроме униженных воплей избиваемого, не раздалось ни единого звука. Ни упреков, ни ругани, ни тяжелого дыхания. Эта абсолютная, ледяная тишина превращала наказание в изощренную пытку, заставляя случайных свидетелей задыхаться от ужаса. Цзян Се и представить не мог, что высокомерный, всемогущий Чжоу Чжаньсяо может ползать в ногах у кого-то, как побитая

собака. Вжимаясь спиной в холодную стену, Цзян Се обливался потом, чувствуя, как колени подкашиваются от слабости. Наконец в глубине коридора что-то звякнуло, и глухой, ровный голос произнес:

— Принесите новый ремень. Этот лопнул.

Лишь тогда оцепенение, сковавшее людей, спало. Цзян Се увидел, как заносчивый директор телеканала и его свита, растеряв весь свой лоск, бросились выполнять приказ, словно преданные лакеи. Больше не оглядываясь, Цзян Се бросился наутек, шатаясь от пережитого ужаса.

Пока Юй Шуимяо договаривался о полном медицинском обследовании и закупке необходимых вещей, он успел навести справки о прежнем владельце этого тела. Прочитанное едва не заставило его швырнуть телефон в стену от злости. Юань Шан, благоразумно решив не испытывать судьбу и не злить разбушевавшегося режиссера, вел себя паинькой: послушно сдал все анализы, безропотно вернулся домой, принял душ, переоделся, выпил теплое молоко и улегся под одеяло, куда его заботливо укутал друг.

Юй Шуимяо сидел на краю кровати, то и дело поправляя края одеяла, пока не укутал парня так, что не осталось ни единой щелочки. Но даже после этого он не ушел. Мужчина напоминал натянутую струну — сидел неподвижно, боясь отвести взгляд от друга, словно тот мог растаять в воздухе.

Юань Шан незаметно задремал. Когда он открыл глаза, в комнате горел лишь неяркий торшер. Юй Шуимяо сидел на корточках у постели, крепко сжимая его ладонь и прижимаясь щекой к тыльной стороне ладони — точно так же, как делал это сотни раз у его больничной койки. Глядя на эту непривычную беззащитность сурового режиссера, Юань Шан почувствовал, как к горлу подступил ком. Повернувшись на бок, он свободной рукой мягко потрепал его по волосам:

— Да Юй... Я больше никуда не уйду.

У Юй Шуимяо защипало в носу. Потребовалось немало усилий, чтобы сдержать подступающие слезы. Он долго молчал, прежде чем едва заметно кивнуть.

— Гуан-эр, прости меня... Я не уберег тебя тогда, — он опустил голову на колени друга прямо поверх одеяла. Голос его, хриплый и надорванный, звучал тихо, но предельно серьезно: — Клянусь, теперь я буду защищать тебя до конца своих дней. Никто и никогда больше тебя не обидит.

Юань Шан мягко перебирал его волосы, на губах его играла теплая, грустная улыбка:

— Дуралей.

<http://bllate.org/book/20476/2118852>